

рой христианская религия с ее формами, этикетом и лексикой не может обрести сколько-нибудь значительного места. Мир романа навсегда останется владением Эрота.

Особо следует сказать об отображении в романах античной мифологии. В «Ливистре» образы мифологии всплывают во сне: владыка Эрот и его дворец, мифологические сцены с участием Афродиты. Сцены даны в общих чертах, без деталей, и, что самое главное, все это — $\iota; \sigma\tau\omicron\rho\iota\sigma\mu\acute{\epsilon}\nu\alpha$, т. е. изображено в настенной росписи. Даже во сне мифология предстает не явной, а отраженной в скульптуре и живописи. Видя стоящую рядом с Эротом Родамну, герой обращает внимание на их сходство, «как будто жива мать Эрота, именуемая Афродитой». Здесь хорошо выражено отношение романиста к мифологии, ее персонажам, относящимся к далекому, несуществующему миру, непосредственного контакта с которым нет даже во сне. Выражение «как будто жива» не относится к Эроту, как не распространяется и на Харона, Тихе, Харит, переживших античность в виде символов и аллегорий. Другая особенность использования романистом мифологии — в ее «византийском» оттенке: Кронос (в «Каллимахе») изображен в куполе, подобно Пантократору, некоторые детали сцен во дворце Эрота (толпы людей, ожидающих приговора, грозный голос судьи) («Ливистр») ассоциируются со сценами Страшного суда. Ассоциация усиливает облик «трехликого» Эрота, имеющего лицо и ребенка, и юноши, и старика, говорящих одним голосом. Трехликость Эрота выражает, конечно, идею универсальности любви, однако несомненно и то, что моделью здесь служит христианская Троица — одно из таинств, постоянно возбуждающих интерес византийцев. Подобно византийским богословам, автор предпочитает оставить трехликость своего божества неясной, вызвать вопросы, которые с типично греческой любознательностью ставит герой романа: «Кто это? Кто мне скажет, что я вижу? Кто растолкует?»

Владыку Эрота окружает множество аллегорий, главные из которых — аллегии любви, берущие героя под свое покровительство, ходатайствующие за него перед владыкой. В облике аллегорий (особенно Агапе, похожей на латинскую принцессу) мало специфически аллегорических черт. Живой, реалистический колорит отличает и весь эпизод представления героя Эроту: это написанная с натуры сцена «византийской протекции», воспроизводящая императорский двор, взаимоотношения правителя с вельможами-просителями, живая картина византийской жизни в мире абстракций — своеобразное слияние реализма идеи и реализма наблюдений. Выделяющаяся среди аллегорий, почти приравниваемая к Эроту дева Агапе привлекает внимание в связи с особым смыслом ее имени: в христианской терминологии оно обозначает, как известно, специфическую христианскую любовь. У. Виламовиц-Мёллендорф жаловался на бедность немецкого языка, выражающего одним словом «Liebe» два генетически не имеющих ничего общего понятия: Эроса, восходящего к Платону, и сугубо христианского Агапе, впервые употребленного в значении христианской любви в послании Павла (« Ὁ Θεοῦ ἡ ἀγάπη ») и закрепленного в формуле Иоанна: « $\text{Ὁ Θεοῦ ἡ ἀγάπη ἐστίν}$ ».

Что касается Агапе, то ее исключительное место среди других аллегорий, как показывает анализ текста романа, объясняется отнюдь не связью с христианской традицией: авторитет Агапе зиждется здесь на иной почве, а именно на том, что $\alpha; \acute{\alpha}\gamma\alpha\lambda\eta$ — $\alpha; \acute{\alpha}\gamma\alpha\lambda\omega;$ в данный период — основное слово, выражающее в разговорной речи обычную, земную любовь. Утверждение «агапе» в лексике византийского романа в указанном смысле было связано с трудностями и представляет собой длительный процесс. Дело в том, что вместе с потоком, идущим от эллинистического романа, в византийский роман привносилась особая любовная лексика, в которой нет слова $\alpha; \acute{\alpha}\gamma\alpha\lambda\omega;$. Его не имелось и в имитации эллинистического романа, т. е. в романе XII в., где любовь обозначалась классическим $\epsilon; \rho\omega;$. Рыцарский роман, заимствующий любовную лексику из того же арсенала, не использует, однако, архаичное $\epsilon; \rho\omega;$, а употребляет вначале вместо него описательно-метафорические формы. В «Каллимахе» простое и искреннее $\alpha; \acute{\alpha}\gamma\alpha\lambda\omega;$ произносится лишь один раз в пассаже, окрашенном фольклорным колоритом. В «Велтандре» употреблению $\alpha; \acute{\alpha}\gamma\alpha\lambda\omega;$ дается простор с момента включения в действие служанки Федроказы, теперь риторические формулы заменяются простым и ясным выражением любовного чувства.

Ввиду в основном негреческого происхождения героев и вымышленной географии романов в них не может найти выражение собственно греческий «национальный» патриотизм, однако идея служения родной земле, любви и привязанности к ней подчеркнута с достаточной силой особенно частым употреблением с предельно негативной семантикой слова $\xi\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$ (скиталец, чужестранец). Говоря о латинских элементах романов, об отношении их авторов к латинскому миру, занимающему значительное место в «Велтандре» и «Ливистре» (латинское